Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2026. Т. 49, № 3. С. 143–171
Lomonosov Psychology Journal. 2026. Vol. 49, № 3. P. 143–171

МЕТОДИКА / METHODS

Научная статья / Research Article
https://doi.org/10.11621/LPJ-26-27
УДК/UDC 159.923; 159.9.072

Переживаемая финансовая нестабильность: адаптация шкалы финансовой угрозы на российской выборке

А.А. Максименко [1] ✉, М.А. Лазарев [2]

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
[2] Российский государственный университет социальных технологий, Москва, Российская Федерация

✉ Maximenko.Al@gmail.com

Резюме
Актуальность. Экономическая нестабильность и неопределенность усиливают субъективное восприятие финансовых рисков, формируя у населения чувство тревоги и угрозы. В этих условиях возрастает необходимость в надежных и валидных инструментах измерения финансового стресса, адаптированных к российскому культурному контексту.
Цель. Адаптация и психометрическая проверка русскоязычной версии Шкалы финансовой угрозы (Financial Threat Scale, FTS), направленной на измерение субъективного восприятия экономической нестабильности и финансовой тревоги.
Выборка. В исследовании приняли участие 555 респондентов ($M_{возраст}$ = 37,55 года), среди которых 328 женщин (59,1%) и 227 мужчин (40,9%).
Методы. В исследовании использовались русскоязычная версия Financial Threat Scale (FTS), опросники для измерения личностных черт по модели «Большой пятерки», шкала диспозиционного оптимизма (LOT-R), индекс психологического благополучия WHO-5, шкала думскроллинга, а также вопросы о социально-демографических характеристиках, включая субъективный уровень дохода, пол и возраст.
Результаты. Факторный анализ подтвердил однофакторную структуру шкалы и ее высокую внутреннюю согласованность (α = 0,914; ω = 0,915). Установлено, что восприятие финансовой угрозы снижается с возрастом,

© Максименко, А.А., Лазарев, М.А., 2026

повышением дохода и оптимизма и демонстрирует связь с полом (выше у женщин). Переживание финансовой угрозы отрицательно связано с экстраверсией и эмоциональной стабильностью и положительно с добросовестностью, что отражает значимость эмоциональной устойчивости и самоконтроля при восприятии финансовых рисков. Положительная связь показателей восприятия финансовой угрозы со значениями по шкале кантианства (в составе «Светлой триады» личности) может указывать на морально-нормативную интерпретацию финансовых угроз, а отрицательная связь с индексом WHO-5 демонстрирует связь финансового стресса со снижением субъективного благополучия. Взаимосвязь с думскроллингом подтверждает роль медиапотребления как фактора, усиливающего восприятие экономической нестабильности.
Выводы. Русскоязычная версия Шкалы финансовой угрозы (FTS) показала высокую надежность, конструктивную и концептуальную валидность, что позволяет рекомендовать ее для дальнейшего использования в исследовательских и прикладных целях — для оценки восприятия финансовых рисков, стресса и их психологических последствий в российском социокультурном контексте.

Ключевые слова: восприятие финансовой угрозы, Шкала финансовой угрозы, адаптация методики, финансовое поведение, поведенческая экономика, российская выборка, психометрические свойства шкалы

Для цитирования: Максименко, А.А., Лазарев, М.А. (2026). Переживаемая финансовая нестабильность: адаптация шкалы финансовой угрозы на российской выборке. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 49*(3), 143–171. https://doi.org/10.11621/LPJ-26-27

Experienced Financial Instability: the Adaptation of the Financial Threat Scale (FTS) to the Russian Sample

Aleksander A. Maksimenko [1] ✉, Maksim A. Lazarev [2]

[1] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
[2] Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russian Federation

✉ Maximenko.Al@gmail.com

Abstract

Background. Economic instability and uncertainty increase the subjective perception of financial risks, creating feelings of anxiety and threat among the population. Under these conditions, there is a growing need for reliable and valid instruments for measuring financial stress adapted to the Russian cultural context.

Objective. The study aimed to adapt and psychometrically validate the Russian version of the Financial Threat Scale (FTS), designed to assess the subjective perception of economic instability and financial anxiety.

Study Partcicpants. The study involved 555 respondents (Mage = 37.55), including 328 women (59.1%) and 227 men (40.9%).

Methods. The study employed the Russian version of the Financial Threat Scale (FTS), questionnaires measuring personality traits based on the Big Five model, the Life Orientation Test-Revised (LOT-R) for dispositional optimism, the WHO-5 Well-Being Index, the Doomscrolling Scale, as well as questions on socio-demographic characteristics, including subjective income level, gender and age.

Results. Exploratory and confirmatory factor analyses confirmed the one-factor structure of the scale and its high internal consistency (α = 0.914; ω = 0.915). It was found that the perception of financial threat decreases with age, income and optimism growth, and is connected to gender (higher among women). Financial threat experiencing was negatively associated with extraversion and emotional stability and positively connected to conscientiousness, reflecting the importance of emotional resilience and self-control in perceiving financial risks. The positive relationship of financial threat perception to the values on the Kantianism scale (as a part of "The Light triad" of personality) may indicate a moral and normative interpretation of financial threats. The negative association of financial threat experiencing with the WHO-5 index demonstrates the association of financial stress with a decrease in subjective well-being. The association with doomscrolling confirms the role of media consumption as a factor amplifying the perception of economic instability.

Conclusions. The Russian version of the Financial Threat Scale (FTS) demonstrated high reliability, construct, and conceptual validity, making it a suitable tool for research and applied purposes to assess the perception of financial risks, stress, and their psychological consequences in the Russian sociocultural context.

Keywords: perception of financial threat, Financial Threat Scale (FTS), adaptation of methodology, financial behaviour, behavioral economics, Russian sample, psychometric properties of the scale

© Maksimenko, A.A., Lazarev, M.A., 2026

For citation: Maksimenko, A.A., Lazarev, M.A. (2026). Experienced financial instability: the adaptation of the Financial Threat Scale (FTS) to the Russian sample. *Lomonosov Psychology Journal, 49*(3), 143–171. https://doi.org/10.11621/LPJ-26-27

Введение

В условиях нарастающей глобальной экономической нестабильности, сопровождаемой структурными трансформациями финансовых систем и изменением принципов мировой торговли, традиционные макроэкономические индикаторы все в меньшей степени отражают реальные настроения и ожидания населения. Процессы, связанные с суверенизацией национальных экономик, пересмотром валютных стратегий и изменением механизмов международных расчетов, приводят к тому, что объективные статистические данные оказываются недостаточными для объяснения колебаний потребительской активности, доверия к финансовым институтам и изменяющейся склонности граждан к риску. В этих условиях именно субъективное восприятие финансовой угрозы, то есть ощущение уязвимости, тревоги и неуверенности в собственных финансовых перспективах, становится ключевым детерминантом экономического поведения индивидов, опосредуя реакцию населения на макроэкономические и политические изменения.

Феномен восприятия финансовой угрозы отражает когнитивно-эмоциональное состояние человека, формирующееся под воздействием экономической неопределенности, инфляционных ожиданий, колебаний курса национальной валюты, а также личного опыта финансовых потерь и нестабильности доходов. Восприятие финансовой угрозы не только определяет склонность к сбережению, инвестированию или потреблению, но и выступает значимым психологическим предиктором субъективного благополучия и доверия к институтам финансового регулирования. Таким образом, анализ восприятия финансовой угрозы позволяет выйти за рамки экономических моделей рационального выбора, обращаясь к глубинным психологическим механизмам формирования финансового поведения, экономического оптимизма (Grezo, Sarmany-Schuller, 2015; Нестик, 2024) и общественных настроений.

В российском контексте, где на фоне внешнеэкономических ограничений и структурных реформ происходит переосмысление

финансовых ориентиров и моделей поведения, исследование восприятия финансовой угрозы приобретает особую актуальность. Усиление курса на внутреннюю экономическую самодостаточность, сопровождающееся неопределенностью в отношении будущего уровня доходов, валютных сбережений и возможностей инвестирования, способствует росту финансовой тревожности и ощущению угрозы личной экономической безопасности. При этом отсутствие стандартизированных методик, валидных для российской социокультурной среды, существенно затрудняет комплексную диагностику данного феномена и снижает достоверность межкультурных сопоставлений.

В мировой научной практике одним из наиболее апробированных инструментов, разработанных для измерения данного феномена, является Шкала финансовой угрозы (Financial Threat Scale, FTS), предложенная З. Марьяновичем с коллегами (Marjanovic et al., 2013) и представляющая собой 5-пунктную однофакторную шкалу, направленную на измерение субъективного восприятия угрозы стабильности и безопасности личных финансов. Ее пункты охватывают сферы неопределенности, предполагаемой угрозы, тревоги и когнитивной озабоченности текущими финансами, оцениваемые по пятибалльной шкале Р. Лайкерта. Опросник продемонстрировал высокую внутреннюю согласованность и обоснованность через корреляции с показателями психологического здоровья, уровнем дохода и индивидуальными характеристиками. Эти результаты подтвердили, что восприятие финансовой угрозы представляет собой автономный, но тесно связанный с психологическим благополучием конструкт.

Дальнейшие исследования подтвердили прогностическую силу Шкалы финансовой угрозы в самых разных социально-экономических контекстах. Так, в исследовании М. Мамуна (Mamun et al., 2020) среди безработной молодежи Бангладеш было выявлено, что финансовая угроза, наряду с финансовыми трудностями, является значимым предиктором депрессии, тревожности и стресса. Авторы выявили, что субъективное ощущение финансовой угрозы оказывает более выраженное влияние на психическое здоровье, чем объективные параметры материального положения, что подтверждает необходимость включения данного конструкта в объяснительные модели экономического поведения.

Аналогичные результаты были получены в работе Л. Фиксенбаума (Fiksenbaum et al., 2017), где было показано, что экономические трудности и восприятие финансовой угрозы выступают предикторами суицидальных мыслей и когнитивной дезориентации. Авторы

интерпретируют финансовую угрозу как форму хронического стресса, снижающего чувство контроля над жизненной ситуацией. Таким образом, Шкала финансовой угрозы может рассматриваться не только как индикатор экономического поведения, но и как инструмент диагностики психосоциальных последствий финансовых кризисов.

В ходе пандемии COVID-19 значительное внимание привлекли исследования взаимосвязи финансового стресса и психического здоровья. Так, исследование К. де Мигуэль (de Miquel et al., 2022) продемонстрировало, что потеря дохода и работы во время пандемии негативно повлияла на психическое состояние работников, а восприятие финансового стресса выступило медиатором этой связи. Аналогично, К. Альковером (Alcover et al., 2022) было обнаружено, что финансовая угроза и неуверенность в занятости повышают риск ухудшения психологического благополучия, тогда как восприятие социальной поддержки смягчает данный эффект, выполняя буферную функцию. Эти результаты подчеркивают, что финансовая угроза представляет собой динамический конструкт, чувствительный к социально-экономическим изменениям и контекстуальным факторам.

В социальной и клинической психологии усиливается внимание к феномену финансовой угрозы. С. Хагеман и Е. Пекуконис (Hageman, Pecukonis, 2021), исследуя взаимосвязь между финансовыми возможностями, восприятием финансовой угрозы и самооценкой здоровья среди взрослых жителей США, выявили, что низкие значения по Шкале финансовой угрозы связаны с более высокими показателями психологического благополучия. При этом финансовая компетентность сама по себе не предсказывает благополучие, тогда как именно восприятие угрозы играет ключевую роль в объяснении различий в самооценке здоровья. Это указывает на фундаментальное значение субъективных аспектов финансового опыта, выходящих за рамки объективного материального положения.

Так, в работах Б. Каналь-Серантеса (Canal-Serantes et al., 2025) и Б. Эстела-Дельгадо (Estela-Delgado et al., 2023) показано, что восприятие финансовой угрозы негативно связано с показателями психологического благополучия, причем данная связь опосредуется субъективным ощущением контроля и финансового благополучия. В исследовании Р.Д. Матавелли (Matavelli et al., 2020) дополнительно продемонстрировано, что социальная поддержка может выступать буфером, ослабляющим негативное влияние финансовой угрозы на удовлетворенность жизнью. В совокупности эти результаты

подтверждают, что восприятие финансовой угрозы является значимым предиктором субъективного психологического благополучия.

Дополнительно к ситуационным и когнитивным факторам, определяющим восприятие финансовой угрозы, в литературе подчеркивается роль устойчивых личностных характеристик. В частности, в рамках модели «Большой пятерки» особое значение имеет нейротизм как черта, отражающая склонность к переживанию негативного аффекта и повышенной тревожности. В исследовании М. Адамуса и М. Грезо (Adamus, Grezo, 2021), проведенном в условиях экономической неопределенности в период пандемии COVID-19, было показано, что высокий уровень нейротизма связан с более выраженными поведенческими и эмоциональными реакциями на финансовую угрозу, включая усиление тревожности и избегающее поведение. Авторы подчеркивают, что нейротизм выступает одним из ключевых предикторов субъективного восприятия финансовых рисков, усиливая чувствительность индивида к неопределенности. Это позволяет рассматривать финансовую угрозу не только как реакцию на внешние экономические условия, но и как феномен, опосредованный устойчивыми личностными характеристиками.

В российской психологии интерес к феномену финансового поведения в последние годы получил развитие в рамках исследований монетарных установок и финансовой тревожности, проводимых в том числе на основе Новой шкалы монетарного поведения А. Фенема и С. Гровера (Furnham, Grover, 2020) в адаптации Т.А. Нестика и М.А. Гагариной (Нестик, Гагарина, 2022). Данная шкала, включающая такие подшкалы, как «Финансовая тревожность», «Финансовая одержимость», «Значимость денег для уважения в обществе» и «Использование денег как инструмента влияния», позволяет оценивать широкий спектр финансовых установок и эмоциональных реакций, связанных с деньгами. При этом компоненты финансовой тревожности, близкие по смыслу к восприятию финансовой угрозы, демонстрируют пересечение с конструктом финансовой угрозы, но охватывают более широкий поведенческий контекст, связанный с контролем, социальной значимостью и статусными ориентирами.

Следовательно, адаптация и валидизация Шкалы финансовой угрозы на российской выборке позволит не только восполнить существующий пробел в инструментарии диагностики субъективных финансовых рисков, но и обеспечить возможность кросс-культурных сопоставлений, углубленных корреляционных и факторных исследований. Введение данного инструмента в отечественный научный

и практический оборот создает основу для последующего изучения детерминант финансового поведения россиян, оценки влияния экономической неопределенности на психологическое благополучие и выработки адресных мер в сфере денежно-кредитной и социальной политики.

Однако применение данной шкалы в новых культурных и экономических контекстах требует не простого перевода, а полноценной адаптации, включающей оценку факторной структуры, надежности и конвергентной валидности. Без этого результаты, полученные с ее помощью, рискуют быть искаженными вследствие культурных различий в понимании финансовой стабильности, угрозы и личной ответственности.

Таким образом, необходимость адаптации Шкалы финансовой угрозы для российской выборки обусловлена как научными, так и практическими соображениями. С научной точки зрения, это позволит интегрировать отечественные данные в глобальный контекст исследований финансовой тревожности и стресса. С прикладной — даст возможность точнее прогнозировать финансовое поведение россиян в условиях кризиса и неопределенности, а также разрабатывать коммуникационные стратегии, направленные на укрепление доверия к финансовой системе и снижение социальной тревожности.

В соответствии с представленными теоретическими и эмпирическими подходами к изучению финансовой угрозы как психологического феномена, отражающего субъективное восприятие экономической нестабильности и личной уязвимости, можно сформулировать ряд предположений о характере ее связей с показателями психологического благополучия и индивидуально-личностными характеристиками.

1. Личностные предикторы финансовой угрозы. Предполагается, что уровень финансовой угрозы связан с личностными характеристиками, отражающими особенности эмоциональной регуляции, самоконтроля и морально-нормативной ориентации. Ожидаются отрицательные связи финансовой угрозы с экстраверсией и эмоциональной стабильностью (низким нейротизмом), а также с диспозиционным оптимизмом, и положительная связь с добросовестностью. Кроме того, предполагается значимая связь показателей финансовой угрозы со значениями по субшкалам «Светлой триады» личности.

2. Психологическое благополучие и информационно-цифровое поведение. Предполагается, что более высокие значения финансовой угрозы будут ассоциированы с более низкими показателями

субъективного психологического благополучия. Кроме того, ожидается связь финансовой угрозы с особенностями информационно-цифрового поведения, отражающими повышенное внимание к негативному контенту, включая склонность к думскроллингу.

3. Социально-демографические различия. Рассматривалась гипотеза о различиях уровня финансовой угрозы в зависимости от социально-демографических характеристик, включая субъективный уровень дохода и пол. Предполагается, что женщины статистически значимо выше мужчин оценивают все показатели финансовой угрозы.

Выборка

Исследование методом онлайн-опроса было реализовано 20–23 сентября 2025 г. на платформах Yandex.Задания и Анкетолог. Использование данных сервисов позволило, с одной стороны, обеспечить оперативность сбора информации, а с другой — сформировать репрезентативную выборку за счет широкой географии участников и доступности формата участия. Привлекая респондентов, согласившихся пройти опрос за символическое вознаграждение, удалось достичь сбалансированного распределения по ключевым социально-демографическим параметрам. В итоговую выборку вошли 555 респондентов в возрасте от 18 до 90 лет (M = 37,55; SD = 11,97), среди которых 328 женщин (59,1%) и 227 мужчин (40,9%).

Большинство участников обладали высшим (бакалавр, магистр или специалист) образованием — совокупно 46,3% выборки, при этом 35,5% имели среднее образование, а 16,4% — неполное высшее. Наиболее высокий уровень образования (аспирантура или наличие ученой степени) был зафиксирован у 1,8% респондентов. Таким образом, совокупность участников характеризуется достаточно высоким уровнем образовательного капитала, что позволяет говорить о когнитивной зрелости и осознанности их ответов.

С точки зрения семейного статуса, 42,9% респондентов состояли в зарегистрированном браке, 17,5% — находились в гражданских отношениях, тогда как 26,3% не состояли в браке. 9,4% участников сообщили о разводе, а 4,0% — о вдовстве.

Анализ данных о наличии детей продемонстрировал, что 43,8% респондентов не имеют детей, 28,8% — воспитывают одного ребенка, 19,6% — двоих, 5,9% — троих, а 1,8% — четырех и более. Данное распределение отражает как общероссийские демографические тенденции, так и возможные возрастные особенности состава выборки.

Рассматривая степень религиозности, можно отметить, что большинство участников определили себя как не очень религиозные (41,1%) или совсем не религиозные (29,5%). При этом 26,3% респондентов охарактеризовали себя как довольно религиозных, а 3,1% — как очень религиозных. Подобное распределение свидетельствует о преобладании светских установок при наличии умеренного интереса к религиозным практикам.

По субъективной оценке уровня дохода, наибольшая доля респондентов отнесла себя к категории со средним доходом (47,9%), еще 31,5% указали на низкий, а 16,8% — на уровень, при котором «сводят концы с концами». Лишь 3,4% участников охарактеризовали свое материальное положение как высокое, и лишь 0,4% — как очень высокое, что позволяет говорить о преобладании представителей среднего и нижнего социально-экономического слоя.

Согласно параметру урбанизации, почти треть опрошенных проживают в областных центрах (31,5%), еще 26,8% — в районных центрах, 18,7% — в Москве и 22,9% — в других мегаполисах, что отражает широкую географическую представленность и дает основание рассматривать выборку как пространственно сбалансированную.

Таким образом, выборка исследования, будучи сформированной на основе онлайн-опроса, представлена социально и демографически разнородной совокупностью респондентов, различающихся по возрасту, полу, семейному положению, уровню образования, дохода и степени религиозности. Это обеспечивает возможность многоаспектного анализа взаимосвязей изучаемых переменных и достоверное обобщение полученных результатов.

Методы исследования

Анкета исследования включала следующие методики, построенные преимущественно на шкале Р. Лайкерта (от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен»), что позволило зафиксировать выраженность установок, оценок и переживаний респондентов по различным параметрам.

1. 10-пунктная Шкала диспозиционного оптимизма, базирующаяся на адаптации теста LOT-R (Scheier et al., 1994), произведенной Т.О. Гордеевой с коллегами (Гордеева и др., 2010), предназначенного для оценки общей склонности к позитивным ожиданиям относительно будущего. Опросник состоит из 12 утверждений, часть из которых имеет инверсивную направленность.

2. Индекс хорошего самочувствия (WHO-5[1, 2]), разработанный Всемирной организацией здравоохранения и состоящий из 5 пунктов, доказавший свои оптимальные психометрические свойства (Topp et al., 2015) в оценке эмоционального и физического самочувствия в течение последних двух недель (например: «Я чувствую себя бодрым и в хорошем настроении»).

3. 5-факторный опросник личности С.Д. Гослинга (Gosling et al., 2003) в адаптации А.С. Сергеевой и коллег (Сергеева и др., 2016), содержащий 10 утверждений, отражающих пять базовых личностных факторов: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту.

4. «Светлая триада» (Light Triad Scale) (Kaufman et al., 2019) в адаптации Н.Р. Ильичева и А.А. Золотаревой (Ильичев, Золотарева, 2023). Методика измеряет позитивные черты личности: гуманизм, вера в человечество и кантианство. Опросник состоит из 8 пунктов, например: «Я склонен видеть в людях самое лучшее»; «Я стремлюсь быть верным себе, даже если это может навредить моей репутации».

5. Шкала финансовой угрозы (Financial Threat Scale) (Marjanovic et al., 2013). Содержит 5 пунктов, измеряющих субъективное восприятие финансовой нестабильности и тревоги («Насколько вы ощущаете угрозу?»; «Насколько вы переживаете по этому поводу?»). Приведена полностью в Приложении.

6. Адаптированная (Максименко и др., 2022) версия Шкалы думскроллинга Б. Шармы (Sharma et al., 2022), измеряющая навязчивую склонность к потреблению негативных новостей в социальных сетях. Включает 15 пунктов, например: «Я теряю счет времени, когда читаю плохие новости в социальных сетях»; «Мне трудно перестать читать негативные новости».

Кроме того, анкета включала блок социально-демографических характеристик, охватывающий пол, возраст, уровень образования, степень религиозности, субъективный уровень дохода и степень урбанизации места проживания.

Для анализа полученных данных были использованы методы описательной статистики, коэффициент корреляции Спирмена,

[1] World Health Organization (WHO). (1998). Wellbeing Measures in Primary Health Care/The DEPCARE Project: Report on a WHO Meeting. Stockholm.

[2] Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). (1998). Меры по обеспечению благополучия в первичном звене здравоохранения / Проект DEPCARE: Отчет о совещании ВОЗ. Стокгольм.

а также эксплораторный и конфирматорный факторные анализы. Анализ данных был реализован в программе Jamovi 2.3.21.

Результаты исследования

На первом этапе исследования была проведена адаптация и психометрическая проверка русскоязычной версии Шкалы финансовой угрозы (Financial Threat Scale, FTS), направленной на оценку субъективного восприятия финансовой нестабильности и чувства неопределенности в экономической сфере. Перевод методики осуществлялся с английского на русский язык с последующим обратным переводом в соответствии с процедурой, предложенной Брислином (Brislin, 1986), что позволило обеспечить эквивалентность смысловых конструктов и функциональную сопоставимость русскоязычной и оригинальной версии шкалы. Для подтверждения адекватности перевода была проведена экспертная вычитка с участием специалистов в области психологии и лингвистики, а также носителей английского языка. Полученная версия опросника сохраняла смысловую и структурную идентичность оригинальной, что создало предпосылки для проведения последующего анализа ее психометрических свойств.

Средние значения по пунктам варьируют в диапазоне от 3,57 до 3,86 при стандартных отклонениях около единицы, что свидетельствует о умеренно выраженном чувстве финансовой угрозы среди респондентов (Таблица 1). Наиболее высокие средние значения наблюдаются по показателю когнитивно-эмоциональной озабоченности (пункт Q5: «насколько часто вы думаете об этом»), тогда как более низкие значения зафиксированы по показателю субъективного чувства риска (пункт Q2: «насколько вы чувствуете себя в зоне риска»). Данное распределение показателей отражает возможную многомерность восприятия финансовой угрозы, включающую когнитивные, эмоциональные и оценочные компоненты.

Таблица 1
Средние значения и стандартные отклонения пунктов Шкалы финансовой угрозы

Пункт шкалы	Средние значения (M)	Стандартное отклонение (SD)	Асимметрия	Эксцесс
Q1	3,74	1,08	–0,620	–0,328
Q2	3,57	1,10	–0,447	–0,533

Q3	3,62	1,11	–0,500	–0,557
Q4	3,66	1,17	–0,581	–0,592
Q5	3,86	1,11	–0,889	0,136
FTS	18,45	4,81	–0,430	–0,301

Table 1
Average values and standard deviations of points on the Financial Threat Scale

The Point of the Scale	Average values (M)	Standard Deviation (SD)	Skewness	Kurtosis
Q1	3.74	1.08	–0.620	–0.328
Q2	3.57	1.10	–0.447	–0.533
Q3	3.62	1.11	–0.500	–0.557
Q4	3.66	1.17	–0.581	–0.592
Q5	3.86	1.11	–0.889	0.136
FTS	18.45	4.81	–0.430	–0.301

Для оценки внутренней согласованности шкалы были вычислены коэффициенты α Кронбаха и ω Макдональдса, отражающие надежность измерения. Оба коэффициента оказались высокими (α = 0,914; ω = 0,915), что указывает на внутреннюю согласованность пунктов и их направленность на измерение единого латентного конструкта: восприятия финансовой угрозы. При исключении любого из пунктов значения α и ω снижались (в диапазоне 0,885–0,905), что свидетельствует о значимости каждого утверждения для общей структуры шкалы и отсутствии избыточных или «шумовых» элементов. Таким образом, шкала продемонстрировала отличную надежность и структурную целостность.

Следующим этапом явился эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с вращением Варимакс (Таблица 2). Перед проведением анализа была проверена пригодность данных: тест Бартлетта на сферичность оказался статистически значимым ($\chi^2 = 1910$; $df = 10$; $p < 0,001$), что указывает на наличие межкорреляционных связей между пунктами шкалы, достаточных для факторизации. Значение KMO-меры адекватности выборки составило 0,871, что также свидетельствует о высоком уровне пригодности данных для факторного анализа (все индивидуальные MSA > 0,84). По результатам анализа была выделена одна факторная компонента, объясняющая основную долю дисперсии переменных, что подтверждает

однофакторную структуру шкалы, соответствующую оригинальной версии.

Таблица 2
Факторная структура русскоязычной версии Шкалы финансовой угрозы

Пункт шкалы	Факторная нагрузка (ЭФА)	Уникальность	Факторная нагрузка (КФА)
Q1	0,855	0,27	0,873
Q2	0,867	0,25	0,925
Q3	0,897	0,20	0,984
Q4	0,866	0,25	0,957
Q5	0,831	0,31	0,847

Table 2
The factor structure of the Russian-language version of the Financial Threat Scale

The Point of the Scale	Factor load (EFA)	Uniqueness	Factor load (CFA)
Q1	0.855	0.27	0.873
Q2	0.867	0.25	0.925
Q3	0.897	0.20	0.984
Q4	0.866	0.25	0.957
Q5	0.831	0.31	0.847

Все утверждения имели высокие факторные нагрузки (от 0,831 до 0,897), что свидетельствует о сильной связи каждого из пунктов с латентным фактором «финансовая угроза». Минимальные значения уникальности подтверждают малую долю вариации, не объясняемую общим фактором, что указывает на высокую когерентность шкалы. Таким образом, результаты эксплораторного анализа позволили подтвердить однофакторную модель структуры шкалы и ее концептуальную однородность.

Для проверки устойчивости выявленной структуры был проведен конфирматорный факторный анализ (CFA) методом максимального правдоподобия. Результаты анализа показали, что модель демонстрирует удовлетворительные показатели соответствия: $\chi^2(5) = 78$, $p < 0{,}001$; CFI = 0,962; TLI = 0,924; RMSEA = 0,162 (90% ДИ: 0,132–0,195), что в совокупности свидетельствует о приемлемом соответствии эмпирических данных теоретически предполагаемой

модели. Дополнительно был рассчитан показатель стандартизированного среднеквадратичного остатка (SRMR), составивший 0,029, что значительно ниже порогового значения 0,08 и указывает на хорошее соответствие модели наблюдаемым данным. Следует отметить, что повышенное значение RMSEA может быть обусловлено особенностями модели, в частности крайне небольшим числом степеней свободы (df = 5), что, согласно современным методологическим исследованиям, приводит к систематическому завышению данного индекса и снижает его диагностическую информативность в малодефицитных моделях. Все индикаторы продемонстрировали высокие и статистически значимые факторные нагрузки ($p < 0,001$). Для фактора 1 значения нагрузок составили: Q1 — 0,873 (SE = 0,0387; Z = 22,6), Q2 — 0,925 (SE = 0,0384; Z = 24,1), Q3 — 0,984 (SE = 0,0377; Z = 26,1), Q4 — 0,957 (SE = 0,0421; Z = 22,8), Q5 — 0,847 (SE = 0,0411; Z = 20,6). Дисперсия латентного фактора была зафиксирована (1,00). Полученные результаты подтверждают наличие единого латентного конструкта, отражающего когнитивно-эмоциональное восприятие финансовой угрозы, и обеспечивают основание для дальнейшего анализа конвергентной валидности методики.

На следующем этапе были изучены связи шкалы с социально-демографическими переменными. Анализ показал наличие слабой отрицательной, но статистически значимой связи между возрастом и интегральным показателем финансовой угрозы ($r = –0,12$, $p < 0,01$), что может свидетельствовать о том, что с увеличением возраста субъективное восприятие финансовой угрозы снижается. Субъективный уровень дохода продемонстрировал выраженную отрицательную корреляцию ($r = –0,4$, $p < 0,001$), что указывает на ожидаемое снижение чувства финансовой угрозы при возрастании дохода. Аналогично диспозиционный оптимизм отрицательно связан с восприятием финансовой угрозы ($r = –0,23$, $p < 0,001$), что отражает защитную функцию оптимистических установок в контексте восприятия финансовых стрессоров. Более высокая религиозность также ассоциировалась с меньшим чувством угрозы ($r = –0,12$, $p <0,01$).

Обнаружены статистически значимые различия по полу в показателе восприятия финансовой угрозы ($U = 31086$[3]; при $p < 0,001$): медиана в группе мужчин составила 17, в группе женщин — 20.

[3] В связи с нарушением предположения о нормальности распределения показателя финансовой угрозы (критерий Шапиро — Уилка: $W = 0,965$, $p < 0,001$) для сравнения групп использован непараметрический U-критерий Манна — Уитни.

Дополнительно было проведено сравнение групп по показателю финансовой угрозы в зависимости от социально-демографических характеристик (уровень образования, семейный статус, наличие детей)[4]. В связи с несоответствием формы распределения зависимой переменной нормальному закону использован непараметрический H-критерий Краскела — Уоллиса. Статистически значимых различий не выявлено: для уровня образования — $\chi^2(4) = 1{,}74$, $p = 0{,}784$; для количества детей — $\chi^2(4) = 3{,}57$, $p = 0{,}467$; для семейного статуса — $\chi^2(4) = 9{,}26$, $p = 0{,}055$.

Анализ корреляций с личностными чертами показал, что финансовая угроза отрицательно связана с экстраверсией ($r = –0{,}18$, при $p < 0{,}001$) и особенно с эмоциональной стабильностью ($r = –0{,}29$, $p < 0{,}001$), что свидетельствует о том, что эмоционально неустойчивые и интровертированные индивиды в большей степени подвержены тревоге в связи с финансовыми рисками (Таблица 3). Одновременно положительные корреляции с добросовестностью ($r = 0{,}13$, $p < 0{,}001$) указывают, что более организованные и ответственные люди чаще осознают финансовые риски, что не обязательно означает большую тревожность, а скорее — повышенное внимание к управлению ресурсами.

Таблица 3
Корреляции Шкалы финансовой угрозы с личностными характеристиками

Личностная черта	Экстраверсия	Доброжелательность	Добросовестность	Эмоциональная стабильность	Открытость опыту
Финансовая угроза	–0,18***	0,05	0,13**	–0,29**	0,03

Примечание. ** — $p < 0{,}01$; *** — $p < 0{,}001$.

Table 3
Correlations of the Financial Threat Scale with personal characteristics

Personality trait	Extraversion	Agreeableness	Conscientiousness	Emotional stability	Openness to experience
(Financial threat) FTS	–0.18***	0.05	0.13**	–0.29**	0.03

Note. ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$.

[4] Уровень образования измерялся в порядковой шкале: 1 — среднее образование; 2 — неполное высшее образование; 3 — базовое высшее образование (бакалавр); 4 — полное высшее образование (специалист, магистр); 5 — аспирантура, ученая степень. Количество детей также порядковая шкала: нет детей, 1 ребенок, 2 детей, 3 детей, 4 и более детей. Семейный статус — номинальная шкала (женат / холост).

Единственная статистически значимая связь интегрального показателя финансовой угрозы среди компонентов светлой триады была выявлена с кантовским компонентом ($r = 0{,}28$, $p < 0{,}001$). Это указывает на то, что морально-нормативная направленность личности, связанная с ответственностью и осмыслением происходящего в этическом контексте, сопряжена с более выраженным восприятием финансовых угроз, тогда как с гуманизмом и верой в человечество значимых взаимосвязей обнаружено не было. Финансовая угроза отрицательно коррелировала с уровнем психологического благополучия по шкале WHO-5 ($r = -0{,}28$, $p < 0{,}001$), что подтверждает взаимосвязь экономической тревожности и снижения субъективного благополучия.

Наконец, анализ связи с индикаторами думскроллинга (DS) показал отсутствие статистически значимой корреляции с интегральным показателем финансовой угрозы. Вместе с тем на уровне отдельных пунктов были выявлены статистически значимые, хотя и слабые положительные связи ($r \approx 0{,}086–0{,}090$, $p < 0{,}05$). Это может указывать на то, что склонность к избыточному потреблению негативных новостей усиливает когнитивную фиксацию на теме финансовых рисков, создавая эффект самоподкрепляющегося беспокойства.

Обсуждение результатов

Анализ корреляций между возрастом и показателями финансовой угрозы выявил слабую отрицательную связь, что согласуется с идеями теории жизненного цикла (Modigliani, Brumberg, 1954), согласно которой с возрастом индивид приобретает большую экономическую устойчивость, накапливает ресурсы и опыт преодоления кризисов, что способствует снижению субъективной тревожности. Психологически это может быть объяснено эффектом когнитивной адаптации (Brickman, Campbell, 1971), когда восприятие стрессоров со временем смягчается за счет выработанных стратегий совладания. Старшие респонденты, обладая устойчивыми финансовыми привычками и меньшей зависимостью от трудового дохода, демонстрируют более стабильное восприятие экономической неопределенности, что снижает ощущение угрозы.

Выявленная устойчивая отрицательная связь между субъективным уровнем дохода и восприятием финансовой угрозы подтверждает ключевые положения теории относительной депривации (Paul, 1991) и модели субъективного благополучия Э. Динера (Diener et al., 1999), подчеркивающих, что субъективное восприятие материального

положения, а не объективные доходы, формирует чувство безопасности. Более высокий доход сопровождается большей способностью контролировать финансовые риски, что снижает воспринимаемую угрозу. Напротив, низкий субъективный доход усиливает ощущение нестабильности, активируя когнитивные схемы тревоги и недоверия к финансовым институтам.

Связь диспозиционного оптимизма с пониженным уровнем финансовой угрозы отражает защитный потенциал позитивных ожиданий, подтверждающий концепцию оптимизма как буфера стресса (Scheier, Carver, 1992). Оптимисты склонны интерпретировать неопределенные ситуации как временные и управляемые, что уменьшает когнитивную фиксацию на угрозе. Этот результат соотносится с моделью позитивной иллюзии С.Э. Тейлора и Дж.Д. Брауна (Taylor, Brown, 1988), в которой умеренно позитивные искажения реальности повышают психологическую устойчивость, снижая деструктивные эффекты финансового стресса.

Отрицательная корреляция религиозности и восприятия финансовой угрозы отражает компенсаторную функцию религиозных смыслов, обеспечивающих ощущение предсказуемости и контроля над жизнью. Согласно концепции религии как источника совладающего ресурса (Pargament, 1997), вера способствует интерпретации экономических трудностей как части более широкого, не хаотического порядка. Таким образом, религиозность выполняет буферную роль, снижая восприятие финансовых стрессоров как экзистенциальной угрозы.

Выявленные гендерные различия в восприятии финансовой угрозы, когда женщины демонстрируют более высокий уровень тревожности, согласуются с результатами исследований экономического поведения, согласно которым женщины чаще интернализируют риски и эмоционально вовлекаются в повседневные финансовые заботы. Это можно рассматривать через призму концепции социальной роли (Eagly, Wood, 2012): традиционное распределение обязанностей, включающее заботу о домохозяйстве и бюджете, усиливает у женщин чувство ответственности за финансовую стабильность семьи, формируя повышенную чувствительность к экономическим угрозам.

Рассматривая взаимосвязи шкалы финансовой угрозы с личностными чертами «Большой пятерки», можно отметить, что отрицательная связь с экстраверсией и нейротизмом отражает два противоположных механизма восприятия стресса. Высокий нейротизм, ассоциированный с эмоциональной неустойчивостью,

способствует катастрофизации событий (Costa, McCrae, 1992), в то время как экстраверсия, связанная с позитивным аффектом и активными копинг-стратегиями, снижает тревожность. Положительная связь с добросовестностью указывает на то, что дисциплинированные индивиды более чувствительны к финансовым рискам, что не обязательно отражает тревогу, но скорее рациональное стремление к контролю и планированию. Эти результаты согласуются с экономико-психологическими моделями саморегуляции (Baumeister et al., 2007), в которых личностные черты выступают предикторами рациональности финансового поведения.

Интересным представляется соотношение показателей финансовой угрозы со «Светлой триадой» личности. Положительная корреляция с кантовским компонентом демонстрирует, что морально ориентированные, ответственные и принципиальные индивиды более осознанно воспринимают экономические угрозы. Этот результат можно интерпретировать в контексте теории моральной ответственности (Bandura, 1991), где внутренние этические стандарты повышают чувствительность к социальным рискам, включая финансовые. Такие люди скорее склонны рассматривать финансовую нестабильность не только как личную, но и как общественную проблему, требующую осмысленного реагирования.

Отрицательная связь между финансовой угрозой и уровнем психологического благополучия по шкале WHO-5 подтверждает модель М. Джаходы (Jahoda, 1982), согласно которой экономическая стабильность является необходимым условием психического здоровья. Финансовая тревожность, снижая чувство контроля и предсказуемости, приводит к ухудшению аффективного состояния и удовлетворенности жизнью. Эти результаты согласуются с многочисленными исследованиями в области позитивной психологии, демонстрирующими, что финансовая безопасность является важным компонентом субъективного благополучия (Diener, Biswas-Diener, 2002).

Наконец, зафиксированная на уровне тенденции связь с показателями думскроллинга указывает на роль медиаповедения в поддержании или усилении чувства финансовой угрозы. Положительная корреляция с частотой мыслей о рисках может быть интерпретирована через призму теории когнитивной перегрузки (Sweller, 1988) и модели «инфодемического» стресса (Garfin et al., 2020), согласно которой избыточное потребление негативных новостей активирует замкнутый цикл тревожности. Люди, склонные к думскроллингу, фокусируются на угрозах и усиливают ощущение нестабильности, что

делает их более восприимчивыми к экономическим стрессорам даже при отсутствии объективных ухудшений финансового положения.

В совокупности полученные результаты подтверждают высокие психометрические характеристики русскоязычной версии Шкалы финансовой угрозы. Методика продемонстрировала однофакторную структуру, внутреннюю согласованность и хорошую конвергентную валидность: ее показатели закономерно связаны с личностными чертами, социально-демографическими параметрами и индикаторами психологического благополучия. Это позволяет рассматривать адаптированную шкалу как надежный инструмент для оценки субъективного восприятия финансовой угрозы в российской выборке.

Выводы

Проведенное исследование позволило осуществить адаптацию русскоязычной версии Шкалы финансовой угрозы (Financial Threat Scale, FTS) и подтвердить ее психометрическую состоятельность в российском социокультурном контексте. Полученные результаты свидетельствуют о сохранении однофакторной структуры шкалы, высокой внутренней согласованности и концептуальной целостности измеряемого конструкта, что подтверждает эквивалентность адаптированной версии оригинальной методике. Таким образом, поставленная цель исследования — адаптация и психометрическая проверка Шкалы финансовой угрозы — была достигнута, а инструмент продемонстрировал пригодность для применения в отечественных выборках.

Анализ взаимосвязей с личностными и психологическими характеристиками показал системную включенность финансовой угрозы в структуру индивидуальных различий. Были выявлены закономерные связи с отдельными чертами «Большой пятерки», а именно отрицательные связи с экстраверсией и эмоциональной стабильностью и положительная связь с добросовестностью. Кроме того, обнаружена значимая связь с субшкалой кантианства в составе «Светлой триады» личности, а также с диспозиционным оптимизмом, субъективным психологическим благополучием и особенностями информационного поведения (думскроллингом, DS). Совокупность результатов свидетельствует о том, что все сформулированные гипотезы получили эмпирическую верификацию, а финансовая угроза проявляет себя как интегральное когнитивно-эмоциональное состояние, связанное с личностными ресурсами и способами интерпретации экономической неопределенности.

Дополнительным подтверждением валидности шкалы выступили выявленные различия по социально-демографическим характеристикам, включая субъективный уровень дохода, возраст, пол и степень религиозности, что демонстрирует чувствительность методики к значимым социально-психологическим параметрам. В совокупности результаты позволяют рекомендовать русскоязычную версию Шкалы финансовой угрозы как надежный инструмент для исследования восприятия финансовой нестабильности и связанных с ней психологических процессов.

Ограничения исследования

Одним из ограничений проведенного исследования является использование онлайн-опроса, что, несмотря на его оперативность и географическую широту, не исключает самоотбор респондентов, более заинтересованных в экономических вопросах или обладающих повышенной цифровой грамотностью. Это может ограничивать обобщаемость результатов на менее вовлеченные социальные группы, особенно представителей старшего возраста.

Второе ограничение связано с характером дизайна, который не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях между финансовой угрозой и другими переменными. Измерение всех показателей в один момент времени не учитывает динамики восприятия экономических рисков в зависимости от макроэкономических событий и индивидуальных изменений финансового положения.

Перспективы будущих исследований

Перспективным направлением дальнейшего анализа является проведение лонгитюдных исследований, позволяющих проследить динамику восприятия финансовой угрозы в зависимости от макроэкономических колебаний, уровня инфляции и состояния рынка труда. Длительное наблюдение за изменениями субъективного восприятия экономической нестабильности позволит выявить, какие факторы (институциональные, когнитивные или аффективные) наиболее значимо определяют адаптацию к кризисным условиям. Это особенно актуально в периоды резких макроэкономических изменений, когда доверие населения к финансовым институтам становится ключевым регулятором экономической активности.

Не менее важным направлением дальнейших исследований представляется изучение феномена финансовой угрозы в контексте анализа денежно-кредитной политики и моделей экономического

поведения. Понимание того, каким образом субъективное чувство угрозы влияет на инфляционные ожидания, потребительские и накопительные решения, склонность к риску, долговое поведение и доверие к банковской системе, способно существенно дополнить традиционные экономические индикаторы. Включение данного конструкта в модели прогнозирования поведения домохозяйств позволит объяснять, почему объективные меры экономической стабилизации не всегда сопровождаются снижением тревожности и восстановлением потребительской уверенности.

Важным направлением является также расширение сравнительных межкультурных исследований, которые позволят выявить универсальные и культурно-специфические механизмы восприятия финансовых рисков. Сопоставление результатов российских выборок с данными из стран, различающихся по уровню экономического развития, социального доверия и институциональной надежности, даст возможность оценить влияние культурных факторов на восприятие финансовой угрозы и интегрировать данный феномен в более широкие междисциплинарные модели — на стыке поведенческой экономики, социальной психологии и макроэкономического анализа.

Список литературы

Гордеева, Т.О., Сычев, О.А., Осин, Е.Н. (2010). Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT). *Психологическая диагностика,* (2), 36–64.

Ильичев, Н.Р., Золотарева, А.А. (2023). Пилотажная оценка и предварительные психометрические свойства русскоязычной версии шкалы Светлой триады. *Национальный психологический журнал,* (2), 3–13. https://doi.org/10.11621/npj.2023.0201

Максименко, А.А., Дейнека, О.С., Мортикова, И.А. (2022). Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян. *Общество: социология, психология, педагогика,* (12), 129–136. https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20

Нестик, Т.А., Гагарина, М.А. (2022). Валидизация русскоязычной версии «Новой шкалы монетарного поведения» А. Фернема, С. Гровера (ШМП). *Психологические исследования*, *15*(85–86), 2. https://doi.org/10.54359/ps.v15i85.1272

Нестик, Т.А. (2024). Психологические механизмы экономического оптимизма в условиях кризиса. *Проблемы прогнозирования,* (1), 23–34. https://doi.org/10.47711/0868-6351-202-23-34

Сергеева, А.С., Кириллов, Б.А., Джумагулова, А.Ф. (2016). Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой

надежности. *Экспериментальная психология, 9*(3), 138–154. https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311

Adamus, M., Grezo, M. (2021). Individual differences in behavioural responses to the financial threat posed by the COVID-19 pandemic. *Personality and Individuals Differences, 179*, 110916. https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110916

Alcover, C.M., Salgado, S., Nazar, G., Ramírez-Vielma, R., González-Suhr, C. (2022). Job insecurity, financial threat and mental health in the COVID-19 context: The moderating role of the support network. *Sage Open, 12*(3), 1–17. https://doi.org/10.1177/21582440221121048

Bandura, A. (1991). Social cognitive theory of self-regulation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 50*(2), 248–287. https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90022-L

Baumeister, R.F., Vohs, K.D., Tice, D.M. (2007). The strength model of self-control. *Current Directions in Psychological Science, 16*(6), 351–355. https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2007.00534.x

Brickman, P., Campbell, D. T. (1971). Hedonic Relativism and Planning the Good Science. In: M.H. Appley, (ed.). Adaptation Level Theory: A Symposium (pp. 287–302). New York: Academic Press.

Brislin, R. (1986). Field methods in cross-cultural psychology. In: W.J. Lonner, J.W. Berry, (eds.). The wording and translation of research instruments. Newbury Park: Sage Publications.

Canal-Serantes, B., Navarro-Carrillo, G., Valor-Segura, I. (2025). Perceived financial and health threats and wellbeing: the role of personal control in different life domains. *Frontiers in Psychology*, *16*, 1539794. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1539794.

Costa, P.T., McCrae, R.R. (1992). The five-factor model of personality and its relevance to personality disorders. *Journal of Personality Disorders, 6*(4), 343–359. https://doi.org/10.1521/pedi.1992.6.4.343

de Miquel, C., Domènech-Abella, J., Felez-Nobrega, M., Cristóbal-Narváez, P., Mortier, P., Vilagut, G., Alonso, J., Olaya, B., Haro, J.M., (2022). The Mental Health of Employees with Job Loss and Income Loss during the COVID-19 Pandemic: The Mediating Role of Perceived Financial Stress. *International Journal of Environmental Research and Public Health, 19*, 3158. https://doi.org/10.3390/ijerph19063158

Diener, E., Biswas-Diener, R. (2002). Will money increase subjective well-being? *Social Indicators Research, 57*(2), 119–169. https://doi.org/10.1023/A:1014411319119

Diener, E., Suh, E.M., Lucas, R.E., Smith, H.L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin, 125*(2), 276–302. https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276

Eagly, A.H., Wood, W. (2012). Social role theory. In: P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins, (eds.). Handbook of theories of social psychology. (pp. 458–476). Newbury Park: Sage Publications. https://doi.org/10.4135/9781446249222.n49

Estela-Delgado, B., Montenegro, G., Paan, J., Morales-Garcia, W. C., Castillo-Blanco, R., Sairitupa-Sanchez, L., Saintila, J. (2023). Personal well-being and financial

threats in Peruvian adults: The mediating role of financial well-being. *Frontiers in Psychology*, *13,* 1084731. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1084731

Fiksenbaum, L., Marjanovic, Z., Greenglass, E., Garcia-Santo, F. (2017). Impact of Economic Hardship and Financial Threat on Suicide Ideation and Confusion. *The Journal of Psychology*, *151*(5), 477–495. https://doi.org/10.1080/00223980.2017.1335686

Furnham, A., Grover, S. (2020). A new money behavior quiz. *Journal of Individual Differences, 41*(1), 17–29. https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000299

Garfin, D.R., Silver, R.C., Holman, E.A. (2020). The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure. *Health Psychology, 39*(5), 355–357. https://doi.org/10.1037/hea0000875

Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., Swann, W.B.Jr. (2003). A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality, 37*, 504–528.

Grezo, M., Sarmany-Schuller, I. (2015). Coping with economic hardship: A broader look on the role of dispositional optimism. *Journal of Psychology*, *2*(2), 6–14.

Hageman, S.A., Pecukonis, E. (2021). Financial Capability, Financial Threat, and Health: Implications for Social Work Practice. *Journal of Financial Therapy, 12*(2), 5. https://doi.org/10.4148/1944-9771.1276

Kaufman, S.B., Yaden, D.B., Hyde, E., Tsukayama, E. (2019). The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature. *Frontiers in Psychology, 10*, 467. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00467

Jahoda, M. (1982). Employment and unemployment: A social-psycho logical analysis. Cambridge: Cambridge University Press.

Mamun, M.A., Akter, S., Hossain, I., Faisal, M.T.H., Rahman, M.A., Arefin, A., Khan, I., Hossain, L., Haque, M.A., Hossain, S., Hossain, M.. (2020). Financial threat, hardship and distress predict depression, anxiety and stress among the unemployed youths: A Bangladeshi multi-city study. *Journal of Affective Disorder, 276,* 1149–1158. https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.06.075.

Marjanovic, Z., Greenglass, E.R. Fiksenbaum, L., Bell, Ch.M. (2013). Psychometric evaluation of the Financial Threat Scale (FTS) in the context of the great recession, *Journal of Economic Psychology*, *36*(C), 1–10. https://doi.org/10.1016/j.joep.2013.02.005

Matavelli, R.D., de Jesus, S.N., Pinto, P., Viseu, J. (2020). Social support as a moderator of the relationship between financial threat and life satisfaction. *Journal of Tourism, Sustainability and Well-being*, *8*(1), 16–28.

Modigliani, F., Brumberg, R.H. (1954). Utility analysis and the consumption function: An interpretation of cross-section data. In: K.K. Kurihara, (ed.). Post-Keynesian economics. (pp. 388–436). New Brunswick: Rutgers University Press.

Pargament, K.I. (1997). The psychology of religion and coping: Theory, research, practice. New-York: Guilford Press.

Paul, S. (1991). An index of relative deprivation. *Economics Letters, 36*(3), 337–341.

Sharma, B., Lee, S.S., Johnson, B.K. (2022). The dark at the end of the tunnel: Doomscrolling on social media newsfeeds. *Technology, Mind, and Behavior, 3*(1). https://doi.org/10.1037/tmb0000059

Scheier, M.F., Carver, C.S. (1992). Effects of optimism on psychological and physical well-being: Theoretical overview and empirical update. *Cognitive Therapy and Research, 16*(2), 201–228. https://doi.org/10.1007/BF01173489

Scheier, M.F., Carver, C.S., Bridges, M.W. (1994). Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A reevaluation of the Life Orientation Test. *Journal of Personality and Social Psychology, 67*(6), 1063–1078. https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.6.1063

Sweller, J. (1988). Cognitive load during problem solving: Effects on learning. *Cognitive Science, 12*(2), 257–285. https://doi.org/10.1207/s15516709cog1202_4

Taylor, S.E., Brown, J.D. (1988). Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin, 103*(2), 193–210. https://doi.org/10.1037/0033-2909.103.2.193

Topp, C.W., Ostergaard, S.D., Sondergaard, S., Bech, P. (2015). The WHO-5 Well-Being Index: a systematic review of the literature. *Psychotherapy and Psychosomatic, 84*(3), 167–176. https://doi.org/10.1159/000376585.

References

Adamus, M., Grezo, M. (2021). Individual differences in behavioural responses to the financial threat posed by the COVID-19 pandemic. *Personality and Individuals Differences, 179,* 110916. https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110916

Alcover, C.M., Salgado, S., Nazar, G., Ramírez-Vielma, R., González-Suhr, C. (2022). Job insecurity, financial threat and mental health in the COVID-19 context: The moderating role of the support network. *Sage Open, 12*(3), 1–17. https://doi.org/10.1177/21582440221121048

Bandura, A. (1991). Social cognitive theory of self-regulation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes, 50*(2), 248–287. https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90022-L

Baumeister, R.F., Vohs, K.D., Tice, D.M. (2007). The strength model of self-control. *Current Directions in Psychological Science, 16*(6), 351–355. https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2007.00534.x

Brickman, P., Campbell, D. T. (1971). Hedonic Relativism and Planning the Good Science. In: M.H. Appley, (ed.). Adaptation Level Theory: A Symposium (pp. 287–302). New York: Academic Press.

Brislin, R. (1986). Field methods in cross-cultural psychology. In: W.J. Lonner, J.W. Berry, (eds.). The wording and translation of research instruments. Newbury Park: Sage Publications.

Canal-Serantes, B., Navarro-Carrillo, G., Valor-Segura, I. (2025). Perceived financial and health threats and wellbeing: the role of personal control in different life domains. *Frontiers in Psychology*, *16*, 1539794. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1539794.

Costa, P.T., McCrae, R.R. (1992). The five-factor model of personality and its relevance to personality disorders. *Journal of Personality Disorders, 6*(4), 343–359. https://doi.org/10.1521/pedi.1992.6.4.343

de Miquel, C., Domènech-Abella, J., Felez-Nobrega, M., Cristóbal-Narváez, P., Mortier, P., Vilagut, G., Alonso, J., Olaya, B., Haro, J.M. (2022). The Mental Health of Employees with Job Loss and Income Loss during the COVID-19 Pandemic: The Mediating Role of Perceived Financial Stress. *International Journal of Environmental Research and Public Health, 19*, 3158. https://doi.org/10.3390/ijerph19063158

Diener, E., Biswas-Diener, R. (2002). Will money increase subjective well-being? *Social Indicators Research, 57*(2), 119–169. https://doi.org/10.1023/A:1014411319119

Diener, E., Suh, E.M., Lucas, R.E., Smith, H.L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin, 125*(2), 276–302. https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276

Eagly, A.H., Wood, W. (2012). Social role theory. In: P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins, (eds.). Handbook of theories of social psychology. (pp. 458–476). Newbury Park: Sage Publications. https://doi.org/10.4135/9781446249222.n49

Estela-Delgado, B., Montenegro, G., Paan, J., Morales-Garcia, W. C., Castillo-Blanco, R., Sairitupa-Sanchez, L., Saintila, J. (2023). Personal well-being and financial threats in Peruvian adults: The mediating role of financial well-being. *Frontiers in Psychology*, *13,* 1084731. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1084731

Fiksenbaum, L., Marjanovic, Z., Greenglass, E., Garcia-Santo, F. (2017). Impact of Economic Hardship and Financial Threat on Suicide Ideation and Confusion. *The Journal of Psychology*, *151*(5), 477–495. https://doi.org/10.1080/00223980.2017.1335686

Furnham, A., Grover, S. (2020). A new money behavior quiz. *Journal of Individual Differences, 41*(1), 17–29. https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000299

Garfin, D.R., Silver, R.C., Holman, E.A. (2020). The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure. *Health Psychology, 39*(5), 355–357. https://doi.org/10.1037/hea0000875

Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2010). Development of the Russian-language version of the test of dispositional optimism (LOT). *Psihologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics,* (2), 36–64. (In Russ.)

Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., Swann, W.B.Jr. (2003). A very brief measure of the Big-Five personality domains. *Journal of Research in Personality, 37*, 504–528.

Grezo, M., Sarmany-Schuller, I. (2015). Coping with economic hardship: A broader look on the role of dispositional optimism. *Journal of Psychology*, *2*(2), 6–14.

Hageman, S.A., Pecukonis, E. (2021). Financial Capability, Financial Threat, and Health: Implications for Social Work Practice. *Journal of Financial Therapy, 12*(2), 5. https://doi.org/10.4148/1944-9771.1276

Ilyichev, N.R., Zolotareva, A.A. (2023). Pilot assessment and preliminary psychometric properties of the Russian-language version of the Light Triad scale. *National Psychological Journal,* (2), 3–13. (In Russ.). https://doi.org/10.11621/npj.2023.0201

Jahoda, M. (1982). Employment and unemployment: A social-psycho logical analysis. Cambridge: Cambridge University Press.

Kaufman, S.B., Yaden, D.B., Hyde, E., Tsukayama, E. (2019). The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature. *Frontiers in Psychology, 10*, 467. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00467

Maksimenko, A.A., Deyneka, O.S., Mortikova, I.A. (2022). Infodemic mind-scrolling and the psychological well-being of Russians. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy, 12*, 129–136. (In Russ.). https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20

Mamun, M.A., Akter, S., Hossain, I., Faisal, M.T.H., Rahman, M.A., Arefin, A. et al. (2020). Financial threat, hardship and distress predict depression, anxiety and stress among the unemployed youths: A Bangladeshi multi-city study. *Journal of Affective Disorder, 276,* 1149–1158. https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.06.075.

Marjanovic, Z., Greenglass, E.R. Fiksenbaum, L., Bell, Ch.M. (2013). Psychometric evaluation of the Financial Threat Scale (FTS) in the context of the great recession, *Journal of Economic Psychology*, *36*(C), 1–10. https://doi.org/10.1016/j.joep.2013.02.005

Matavelli, R.D., de Jesus, S.N., Pinto, P., Viseu, J. (2020). Social support as a moderator of the relationship between financial threat and life satisfaction. *Journal of Tourism, Sustainability and Well-being*, *8*(1), 16–28.

Modigliani, F., Brumberg, R.H. (1954). Utility analysis and the consumption function: An interpretation of cross-section data. In: K.K. Kurihara, (ed.). Post-Keynesian economics. (pp. 388–436). New Brunswick: Rutgers University Press.

Nestik, T.A., Gagarina, M.A. (2022). Validation of the Russian-language version of the "New Scale of Monetary Behavior" by A. Fernham, S. Grover (CMP). *Psihologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, *15*(85–86), 2. (In Russ.). https://doi.org/10.54359/ps.v15i85.1272

Nestik, T.A. (2024). Psychological mechanisms of economic optimism in a crisis. *Problemy Prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, (1), 23–34. (In Russ.). https://doi.org/10.47711/0868-6351-202-23-34

Pargament, K.I. (1997). The psychology of religion and coping: Theory, research, practice. New-York: Guilford Press.

Paul, S. (1991). An index of relative deprivation. *Economics Letters, 36*(3), 337–341.

Scheier, M.F., Carver, C.S. (1992). Effects of optimism on psychological and physical well-being: Theoretical overview and empirical update. *Cognitive Therapy and Research, 16*(2), 201–228. https://doi.org/10.1007/BF01173489

Scheier, M.F., Carver, C.S., Bridges, M.W. (1994). Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A reevaluation of the Life Orientation Test. *Journal of Personality and Social Psychology, 67*(6), 1063–1078. https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.6.1063

Sergeeva, A.S., Kirillov, B.A., Dzhumagulova, A.F. (2016). Translation and adaptation of the short five-factor personality questionnaire (TIPI-RU): assessment of convergent validity, internal consistency and test-retest reliability. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology, 9*(3), 138–154. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311

Sharma, B., Lee, S.S., Johnson, B.K. (2022). The dark at the end of the tunnel: Doomscrolling on social media newsfeeds. *Technology, Mind, and Behavior, 3*(1). https://doi.org/10.1037/tmb0000059

Sweller, J. (1988). Cognitive load during problem solving: Effects on learning. *Cognitive Science, 12*(2), 257–285. https://doi.org/10.1207/s15516709cog1202_4

Taylor, S.E., Brown, J.D. (1988). Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin, 103*(2), 193–210. https://doi.org/10.1037/0033-2909.103.2.193

Topp, C.W., Ostergaard, S.D., Sondergaard, S., Bech, P. (2015). The WHO-5 Well-Being Index: a systematic review of the literature. *Psychotherapy and Psychosomatic, 84*(3), 167–176. https://doi.org/10.1159/000376585.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Александрович Максименко, доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор департамента психологии факультета социальных наук Высшей школы экономики, Москва, Российская Федерация, maximenko.al@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0891-4950

Максим Анатольевич Лазарев, аспирант Российского государственного университета социальных технологий, Москва, Российская Федерация, zalazarev@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-3226-1379

ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr A. Maksimenko, Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, School of Psychology, Professor at the Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation, maximenko.al@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0891-4950

Maksim A. Lazarev, Postgraduate Student, Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russian Federation, zalazarev@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-3226-1379

Поступила 04.11.2025. Получена после доработки 07.04.2026. Принята в печать 04.05.2026.
Received 04.11.2025. Revised 07.04.2026. Accepted 04.05.2026.

Приложение

Шкала финансовой угрозы

Пожалуйста, укажите, как Вы чувствуете себя в отношении *Вашей текущей финансовой ситуации*, ответив на следующие вопросы.

Насколько Вы ощущаете неопределенность?
1 — совсем не ощущаю… 5 — ощущаю чрезвычайно сильную неопределенность

Насколько Вы чувствуете себя в зоне риска?
1 — совсем не чувствую… 5 — чувствую в очень большой степени

Насколько Вы ощущаете угрозу?
1 — совсем не ощущаю… 5 — ощущаю чрезвычайно сильную угрозу

Насколько Вы переживаете по этому поводу?
1 — совсем не переживаю … 5 — переживаю в очень большой степени

Насколько часто Вы думаете об этом?
1 — совсем не думаю… 5 — озабочен в очень большой степени

Appendix

Financial Threat Scale (FTS)

Please indicate how you feel about *your current financial situation* by answering the following questions.

How much uncertainty do you feel?
1 — not at all... 5 — extremely uncertain

How much do you feel at risk?
1 — not at all... 5 — very much at risk

How threatened do you feel?
1 — not at all... 5 — extremely threatened

How worried are you about this?
1 — not at all... 5 — extremely worried

How often do you think about this?
1 — not at all... 5 — extremely concerned